# Приключения государственного капитализма в сельском хозяйстве СССР (по поводу одной исторической концепции)

*Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: ЛЕНАНД, 2014. — 608 с. ISBN 978-5-9710-1312-9

**И. А. Кузнецов**

*Игорь Анатольевич Кузнецов*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: repytwjd68@mail.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-171-179

Заметным событием для отечественной историографии 2014 года стал выход в свет большой монографии известных вологодских историков-аграрников М. А. Безнина и Т. М. Димони «Аграрный строй России 1930–1980-х годов». Книга обобщила многочисленные работы этих авторов 2000-х годов: цикл мини-монографий и статей, презентовавших взгляд на историю сельского хозяйства и аграрных преобразований в СССР с позиции теории «государственного капитализма»[1]. Более десятка лет специалисты и заинтересованные читатели могли следить за развертыванием их концепции «аграрного строя», после того как она была изложена в ряде выступлений уже в целостном виде[2]. Большая книга, думается, подводит черту

1. *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2010). Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: Легия; *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2005). Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда: Легия; *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2009). Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: Легия; *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2012). Пролетариат в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: ВГПУ; *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2008). Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: Легия; *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2012). Рабочая аристократия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: ВГПУ.
2. *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2003). Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда; *Безнин М. А., Димони Т. М.* (2004). Аграрный строй России в 1930–1980-е гг. (Доклад на ученом совете Института российской истории РАН 18 марта 2004 г.) // Сборник науч-

под авторскими изысканиями в этом направлении и дает повод для осмысления результатов.

Книга структурно делится на две неравные части: первая — «Капитализация российской деревни» — занимает около четверти объема, вторая — «Социальные классы и социальные отношения» — почти втрое больше. Неравноценны они и качественно: вторая представляется значительно более интересной и содержательной. Однако именно первая образует теоретический фундамент авторской концепции, выстраивает определенные смыслы и тем самым привлекает основное внимание.

Авторскую концепцию «аграрного строя России» в период существования СССР можно изложить следующим образом. Развитие сельского хозяйства в XX веке Безнин и Димони представляют как модернизацию, по крайней мере оперируют этим термином. В основе модернизации они видят «капитализацию». Авторы выделяют различные пути (модели) этого процесса, испробованные страной до и после революции 1917 года. Тот путь, который «господствовал в России до конца 1920-х гг.», они квалифицируют как «кулацко-кооперативный», а тот, что пришел ему на смену, — как «колхозно-совхозный» (с. 21). В другом месте они уточняют, что до революции Россия испытала еще «прусский» и «американский» способы аграрного переустройства, но они не были реализованы: «Не реализовав ни „прусский“, ни „американский“ способы аграрного переустройства, Россия пошла, как всегда, своим путем аграрной модернизации — колхозно-совхозной капитализации» (с. 606).

Авторы, с одной стороны, настаивают, что принципиальной разницы между процессами аграрного развития ни до революции, ни до коллективизации, ни после коллективизации не было: «По нашему мнению, принципиальная разница между господствовавшим в России до конца 1920-х гг. кулацко-кооперативным и восторжествовавшим позднее колхозно-совхозным путями аграрной модернизации отсутствовала» (с. 21). Однако в другом месте они все же выделяют рубеж — коллективизацию: «Ни столыпинская реформа, ни Октябрьская революция, ни НЭП не изменили принципиальных сторон российской сельской жизни. Настоящей революцией стали лишь сталинские аграрные преобразования...» (с. 606). Тем не менее Безнин и Димони настаивают, что сущность аграрного развития не изменилась и после коллективизации. Она заключалась, по их мнению, в капитализации, и сталинские преобразования лишь придали этому процессу новый импульс, ускорили «первоначальное накопление капитала». Коллективизацию они поэтому именуют капиталистической революцией сверху (с. 87).

---

ных работ к 50-летию Михаила Алексеевича Безнина. Проблемы экономической и социальной истории: общероссийский и региональный аспекты (XIX–XX вв.). Вологда: Русь. С. 4–13.

Здесь заметно противоречие, по-видимому не осознанное авторами: с одной стороны, сталинские преобразования называются настоящей революцией, с другой стороны, принципиальная разница между развитием до этой революции и после нее отсутствовала. Чем же тогда измеряется масштаб революций? С одной стороны, они декларируют, что «разрыв традиций и подходов в изучении аграрной истории России гранью 1920–1930-х годов совершенно неприемлем с точки зрения теоретической и конкретно-исторической характеристик процесса» (с. 39). И в то же время констатируют, что именно на рубеже этих годов возникла «новая система социальных отношений, пришедшая на смену патриархально-общинным порядкам» (с. 11). Но если возникла «новая система социальных отношений», наверное, все-таки здесь была перейдена некая историческая грань? Думается, отношение к «сталинским преобразованиям» в авторской концепции нуждается в уточнении.

Другую историческую грань авторы проводят по 1960-м годам — она отделяет период «раннего» госкапитализма от «зрелого». Этим рубежом они датируют и завершение процесса раскрестьянивания, на смену которому окончательно пришла новая классовая структура деревни.

Анализу социальной структуры посвящен второй раздел монографии. В отличие от социологов советского времени Безнин и Димони настаивают, что стратификация советского села носила характер именно классового расслоения, а не только имущественного или профессионального. «...На наш взгляд, — пишут авторы, — сформировались пять основных социальных классов: протобуржуазия (обладавшая наибольшими правами собственности на ресурсы — председатели колхозов, директора совхозов и МТС), менеджеры (управленцы и распорядители ресурсов — бригадиры, управляющие отделениями и др.), интеллектуалы (собственники знаний — агрономы, зоотехники, инженеры-механики и др.), рабочая аристократия (те, кто работал с техникой — основой капитализирующейся экономики, — трактористы, комбайнеры, шоферы и др.), сельский пролетариат (наиболее удаленные от собственности и власти „работники конно-ручного труда“)» (с. 11). Таким образом, авторы взяли за основу стратификацию профессиональных групп, но старались выдерживать ортодоксальный марксистский подход к определению классов как страт, различающихся прежде всего по отношению к собственности на средства производства. Главы, посвященные конкретно-историческим характеристикам выделенных страт, как уже говорилось, весьма содержательны.

Ключевыми понятиями авторской концепции выступают «государственный капитализм», «капитал» и «капитализация». Их использование также свидетельствует прежде всего о стремлении работать в марксистской парадигме. Однако авторы нагружают их специфическим смыслом, который далеко не всегда разъясняется на страницах книги.

Государственным капитализмом они именуют социально-экономический строй Советского Союза, который прежде было принято называть социализмом. Слово «социализм» они отправляют в отставку на том основании, что оно «становится серьезным препятствием исследования аграрных экономических и социальных процессов» (с. 39). Однако каким образом термин «социализм» препятствует изучению истории СССР? Наши авторы указывают, что объяснить происходившие в России в 1990-х годах процессы приватизации и перехода к рынку можно, только если видеть их предпосылки, подспудно зревшие еще в советские годы. Это справедливо, но из того, что написано Безниным и Димони, совершенно не понятно, почему нельзя искать такие предпосылки, называя советскую экономику социалистической?

В историко-экономической литературе существует сильная исследовательская традиция, которая полагает основной предпосылкой трансформационного кризиса 1990-х годов именно крах социалистической модели экономики, произошедший в силу имманентно присущих ей базовых качеств. И понятие «социализм» ни в коей мере не является препятствием для работы исследователей в этой парадигме. Следовательно, понятие «социализм» становится препятствием для исследовательской работы не историков вообще, а лишь части из них, к которой, очевидно, причисляют себя Безнин и Димони. В таком случае хотелось бы видеть на страницах книги развернутую аргументацию позиции наших исследователей, обоснование выбора своей исследовательской парадигмы, их концептуального самоопределения. Пока же читателю приходится о многом лишь догадываться, и, наверное, не всегда такие догадки будут верны. Свои догадки, возникшие при чтении, я постараюсь аргументировать.

Теорию, рассматривающую советский социализм как государственный капитализм, развивали левые марксисты во второй половине XX века, разочарованные итогами социалистической революции и сталинской политикой. Самой известной работой в этой области была книга Т. Клиффа, на которую ссылаются и наши авторы. Однако если Т. Клифф и другие левые при помощи концепта государственного капитализма утверждали «реакционную природу» сталинского режима[3], то Безнин и Димони скорее пытаются вписать экономическое развитие России в общий ход мировой экономической истории, как они его себе представляют. Насколько можно понять, государственный капитализм представляется им специфической формой того же капитализма, который был в XX веке и в западных странах. Они как бы хотят показать читателю, что СССР не выпал из мирового процесса, а шел в общем русле. И предпосылкой российского капитализма 1990-х годов был капитализм, ко-

3. *Клифф Т.* (1991). Государственный капитализм в России. Б.м.: Б.и. С. 153–155.

торый существовал и до этого, прикрываемый социалистической фразеологией.

Отношение к сталинизму вообще, как уже отмечено выше, сформулировано у авторов недостаточно ясно, но из контекста следует, что они склонны считать его скорее некоей объективной необходимостью. В качестве примера приведу две цитаты, относящиеся к характеристике сталинской экономической системы. «Лишь в начале создания колхозного строя, когда *необходимо* (здесь и далее курсив мой. — *И. К.*) было обеспечить перелом в соотношении укладов...» (с. 50), — пишут они, не рефлектируя по поводу того, для кого именно указанный перелом был *необходим*: для сталинского правительства, или для страны, или истории вообще? Возможно, авторы склонны отождествлять одно с другим. «*Необходимость* внеэкономического принуждения вытекала из характера отношений собственности...» (с. 39) — здесь уже необходимость явно подразумевается объективной. Стоит отметить, что в советской литературе, называвшей сталинские преобразования социалистическими, они точно так же провозглашались объективно необходимыми.

Категорию «капитал» Безнин и Димони трактуют очень просто, полностью отождествляя ее с понятиями «основные фонды» и «основные средства производства» (с. 26–30). Различия между двумя значениями слова «капитал» — капитал как фактор производства и капитал как общественное отношение — они, по-видимому, не понимают. Им кажется достаточным указать на то, что капитал в любом случае является овеществленным трудом. Это значительно упрощает им исследовательскую работу: если в СССР был капитал (а как его могло не быть, ведь труд-то был?), следовательно, должен быть и капитализм. Разумеется, они легко находят в советском сельском хозяйстве капитал всех видов — в форме построек, орудий труда, машин, удобрений, скота и прочего, после чего не считают нужным тратить время на доказательство капиталистического характера советской экономики. Поскольку же собственником этого капитала было государство, то и капитализм был государственным.

Аналогично они поступают и с понятием «капитализация». Под ним имеется в виду вовсе не рыночная стоимость акций компании, как кто-то может подумать, а процесс количественного роста основных средств производства, который наши авторы отождествляют с развитием капитализма. Мерой капитализации они считают удельный вес стоимости средств производства в стоимости сельскохозяйственной продукции или долю материальных затрат в издержках производства. Иными словами, пока живой труд количественно превалирует над основными средствами производства, сельское хозяйство не капиталистическое, когда соотношение меняется, оно начинает мыслиться как капиталистическое.

Развитие понимаемого таким образом капитализма шло до коллективизации и продолжалось после, различаясь лишь формой: «На наш взгляд, — пишут авторы, — капитализация в колхозно-

совхозной системе продолжалась в виде развития так называемых основных фондов, основных средств производства. Экономическая сущность капитала при этом не изменилась. Это по-прежнему был овеществленный труд, возвращенный в производство» (с. 39). Примечательна глубина аргументации: «на наш взгляд...». Думается, любой теоретически подкованный марксист назвал бы такое теоретизирование крайней вульгаризацией. Не принадлежа к сторонникам упомянутого учения, продолжу анализ категориального аппарата Безнина и Димони.

Если в советском сельском хозяйстве был капитал, то должен был быть и банковский и финансовый капитал. В самом деле, авторы находят сведения о кредитовании колхозов государством. При Сталине это было относительно редким явлением, но с середины 1950-х годов его масштабы непрерывно растут, пока не превращаются в основную форму финансирования. Это трактуется не иначе как «проникновение финансового капитала в сельское хозяйство».

Временами авторы оговариваются, что вещь становится капиталом не сама по себе, а лишь при включении в товарно-денежные отношения. Так, в одном месте прямо упоминается: «Товарно-денежная форма экономических отношений, которая делает капитал таковым...» (с. 25). В другом находим такое рассуждение: «Расширение использования овеществленного труда (капитала) в сельскохозяйственном производстве предполагает в той или иной форме товаризацию средств производства, рабочей силы, продукта труда» (с. 116). Но разве советская экономика была рыночной? Не отвечая на этот вопрос прямо, авторы широко оперируют понятием «товарность» применительно к сельскохозяйственной продукции. При этом товарностью они называют процент отчуждения продукции от валового объема независимо от формы такого отчуждения, включая и принудительное изъятие, и различные виды налогов и повинностей. Следовательно, для превращения продукта в товар рынок не нужен?

Кажется, стирание различий между понятиями «налог» и «товар» — еще одна теоретическая новация наших авторов. Она особенно заметно проявляется в главе «Смена форм эксплуатации», которая начинается буквально с жонглирования терминами: «1. Механизмы *эксплуатации* крупных хозяйственных укладов. Механизмы *отчуждения основного продукта* труда сельхозпроизводителя в советское время неоднократно менялись. *Изъятия* у колхозов осуществлялись в натуральной и денежной формах. К натуральной форме *ренты* относились обязательные поставки государству сельхозпродуктов, платежи натурой МТС, к денежной — сельхозналог. Размеры *отчислений* регулировались государством и уставом сельхозартели. В колхозном производстве имела место разноканальность *изъятия* продукта. Динамика становления и развития этих каналов, их угасания и отмирания характеризует специфичность *эксплуатации* капитализированного

уклада. Выделяются четыре этапа эволюции *системы эксплуатации*: ее становление (1933–1940 гг.); существование развитой повинностной системы *изъятия* аграрного продукта (1940-е — начало 1950-х гг.); угасание основных элементов повинностной системы (1953–1958 гг.); становление и развитие с 1958 г. соответствующего в основном капитализированной государственной системе закупочного механизма *мобилизации аграрного продукта*» (с. 127). Механизмы эксплуатации называются механизмами отчуждения продукта, они же называются механизмами или каналами его изъятия, или отчисления, или мобилизации, или просто рентой. По-видимому, все эти понятия для авторов служат синонимами. Причем отчуждение продукта в любой форме понимается как его превращение в товар: «Система *отчуждения* сельхозпродукции колхозов, формировавшаяся в 1930-е гг., включала, кроме обязательных поставок сельхозпродукции государству, натуральную оплату работ МТС... Кроме того, в 1930–1950-е гг. *товарная продукция колхозов изымалась* через государственные закупки, децентрализованные заготовки. <...> Еще одним каналом *товаризации* продукции колхозов и колхозных дворов был колхозный рынок» (с. 129). Следовательно, товаром в данной концепции называется любой продукт, изъятый у хозяйства, в том числе принудительно. Это подтверждают и заголовки таблиц: «Каналы *товаризации* зерновых в колхозах (в % от всей *изъятой продукции*...)» (с. 131).

Таким образом, выстраивается ряд категорий, которые Безнин и Димони используют в речи как слова-синонимы: «эксплуатация» = «отчуждение продукта» = «мобилизация продукта» = «изъятие продукта» = «рента» = «товаризация».

Как известно, о терминах не спорят, а договариваются. Однако в каждой теории существует определенная система понятий и категорий, которая отражает логику данной теории. Претензии к концепции государственного капитализма Безнина и Димони возникают не потому, что она предлагает некую новую систему понятий или придает новые смыслы устоявшимся понятиям, а потому, что категориальный строй этой концепции имеет логические изъяны. Укажу два, которые кажутся основными.

Во-первых, редукция капитализма к капиталу или, наоборот, выведение категории «капитализм» из категории «капитал». При этом капитализм понимается нашими авторами в совершенно ортодоксальном марксистском духе — как определенный способ производства и эксплуатации труда, основанный на товарно-денежных отношениях, и соответствующий ему строй социальных отношений, основанный на расслоении общества на антагонистические классы буржуазии и пролетариата. Капитал же понимается как совокупность средств производства, за исключением труда и земли. Проблема в том, что ни наличие таковых средств производства, ни их абсолютный рост, ни рост их относительной доли в издержках производства не имеют логической связи с генезисом того со-

циально-экономического строя, который наши авторы называют капитализмом.

То, что наши авторы называют капитализацией, экономисты дореволюционной школы называли капиталоинтенсификацией, а ученые советского времени — ростом капиталовооруженности труда (производства) или ростом капиталоемкости продукции. Однако никто не доказал (и не пытался), что эти процессы способны порождать капитализм как общественную формацию.

Во-вторых, стирание смысловых границ между понятиями «изъятие продукции» и «товаризация» уничтожает общепринятое значение слова «товар» в смысле продукта, обращающегося на рынке, продукта, включенного в товарно-денежные отношения. Тем самым размывается и понятие рынка как сферы добровольного, эквивалентного обмена ценностями. Товарным продуктом в таком случае становится и то, что продано на рынке с прибылью, и дань, и государственный налог, и частные повинности рабов или феодально-зависимых людей, и то, что украдено. Между тем очевидно, что все это разнопорядковые явления и за ними стоят совершенно разные социальные отношения.

Любая теория в науке выполняет функцию объяснения. Поставим вопрос: что объясняет концепция государственного капитализма? Становится ли наше представление об изучаемом периоде и объекте — аграрном строе СССР 1930–1980-х годов — более полным и адекватным, если вместо термина «социализм» использовать термин «государственный капитализм», председателей колхозов назвать протобуржуазией, а принудительное изъятие продуктов переименовать в товаризацию и т. д.? Каким образом эта теория помогает нам лучше понять особенности социальных процессов 1990-х годов, кроме того что констатирует очевидный факт: элита колхозного строя имела стартовые преимущества в ходе приватизации?

В то же время в истории сельского хозяйства и крестьянства нашей страны можно поставить целый ряд важных проблем, которые не имеют решений с позиции, предложенной Безниным и Димони. В частности, в их парадигме нет вопроса о причинах специфики исторического пути России. Они мимоходом отмечают, что в XX веке «Россия пошла, как всегда, своим путем аграрной модернизации». Но почему этот путь был особым, если модернизация в форме капитализации, согласно нашим же авторам, была в принципе общим путем? «Как всегда» — не объяснение.

Механизация, интенсификация и рост капиталов сельского хозяйства составляли магистральный путь развития во всех странах мира в XX веке, но почему аграрное развитие нашей страны привело к колхозно-совхозному государственному капитализму, а в других странах — нет? Почему капитализация в одних странах порождала обычный, частнохозяйственный капитализм, а в других — государственный капитализм? Или, может быть, вовсе не капитализация их порождала? Может быть, государственный капита-

лизм стал таковым в силу особой роли государства или специфики государственного устройства России? Почему в таком случае именно капитализацию наши авторы рассматривают в качестве ключевого, системообразующего процесса? Не является ли более целесообразным подвергнуть анализу специфику государственности и говорить о государственном хозяйстве или государственной (огосударствленной) экономике, выведя слово «капитализм», которое становится в таком ракурсе излишним, за скобки своего анализа?

Почему механизация, интенсификация и рост капиталов сельского хозяйства в одних странах мира привели к созданию эффективной модели АПК, тогда как в СССР и других странах, пытавшихся строить социализм, эти же процессы не дали такого эффекта, приведя лишь к росту затратности? Может быть, капитализация в условиях огосударствленной, нерыночной экономики есть лишь банальный рост издержек производства, который не увязан с конечным результатом? И никакой капитализм здесь ни при чем?

Чтение современных работ отечественных историков марксистского направления оставляет, как правило, тягостное впечатление, и рецензируемая книга не исключение. Сетка понятий, выработанных К. Марксом для анализа экономики и общества Западной Европы середины XIX века, упрямо натягивается на реалии всех эпох и стран, рвется в клочья, спадает, но ее латают и наматывают снова и снова...

## Adventures of state capitalism in the Soviet agriculture (about one historical theory)

*Beznin M. A., Dimoni T. M.* Agrarian System of Russia in 1930–1980-ies. M.: LENAND, 2014. 608 p.

*Igor Kuznetsov,* PhD (History), Senior Researcher at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571.
E-mail: repytwjd68@mail.ru.